

Сегодня. — 1994. — 20 апр. — с. 10.

Король и его свита

«Вакханки» Даниэля Бёрца в постановке Ингмара Бергмана: видеозапись спектакля Шведской королевской оперы

Алексей Парин

Очень, негоже обозревателю рецензировать спектакль трехлетней давности, да еще по технической видеозаписи. Но бывают такие консервы, перед которыми вся свежати́на меркнет. И не в том дело, что вкуснее или изысканней, а в том, что от этого вкуса и запаха вдруг меняются собственное обоняние и вообще все чувства, аж дух захватывает. И воспаряешь, как от самой свежей средиземноморской устрицы, и стены просмотровой комнаты распахиваются в огромный зрительный зал.

Шведский композитор Даниэль Бёрц доверился непосредственно Еврипиду, в отличие от мэтра Ханса-Вернера Хенце, для которого миф о Вакхе и Пенфее в изложении греческого трагика перелопачивали мэтры Уистен Хью Оден и Честер Кальман (московские меломаны помнят их экстагических «Бассарид» — блестящий аутфакт Фестиваля немецкой музыки, музицирование Штутгартской оперы без страха и упреха, увы, в концертном варианте, но с должным азартом и напряжением).

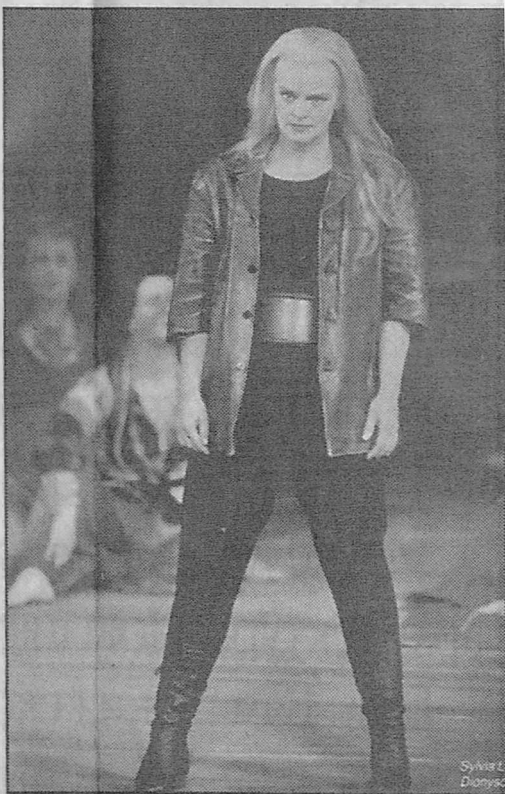
Даниэль Бёрц, доверившись Еврипиду, оставил женщинам женское, а мужчинам мужское (вакханки и Агава, равно как и Кадм вкупе с Пенфеем, сохранили свой естественный пол), зато вневозрастного бога Вакха и старого прорицателя Тиресия наделил женскими голосами и тем самым — в предлагаемых обстоятельствах — женскими телами. Индивидуализированные вакханки (каждая из них имеет в опере имя: греческие буквы с некоторыми пропусками от альфы-корифейки до омега-замыкающей плюс танцовщица Талатта — море), Вакх в женском обличье и Агава, мать растерзанного в конце концов Пенфея, с ее страстями — не могли не «завести» Ингмара Бергмана. Потому что, как можно было понять из его экранизации «Волшебной флейты», великий знаток женской психологии и европейской культуры обращается к странному миру оперы только тогда, когда, не насылая предмета, может вчитать в него продолжение непрекращающегося разговора о структуре микрокосма и, выражаясь биологически, о повторении филогенеза в

ходе онтогенеза, или, выражаясь гуманитарно, о выяснении тайн мироздания через разгадывание человеческой души. Бергман завелся — и возник совместный проект Королевской оперы, стокгольмского «Драматена» и шведского ТВ. И состоялась великая премьера в ноябре 1991 года. И, слава Богу, от того дня осталась видеопленка, которую я смотрю в маленькой рабочей комнате видеорежиссера стокгольмской Оперы, забывая все на свете.

Можно, конечно, написать рецензию — но не лучше ли употребить весь свой пыл на уговоры, скажем, НТВ (может быть, у них вдруг дойдут руки до оперы?), на страстные увещевания: покажите, покажите бергмановых «Вакханок» нашему зрителю: те, кто любит оперу, те, кто любит театр, те, кто любит хорошее кино, — все

прильнуть к телевизору и не оторвутся от них три часа, это я вам гарантирую!

Потому что разновозрастные эмансиле — красно-оранжевые в первом действии и белые в кровоподтеках во втором, накатившиеся ордой из Бактрии на Фивы, во главе с пурпурноодеждным Вакхом, прячущим под наворотом складок кожанку комиссара, окатывают с головами до ног девятым валом ассоциативных видений. Потому что Сильвия Линденстранд, Вакх-Вакханка, обладающая одухотворенностью и излучением молодой Ингрид Тулин, актерским бесстрашием Лив Ульман и огромным певческим потенциалом а ля Биргит Нильсон, самозабвенно купается в дионисийском экстазе со своими знойными товарками — и тут же холодным интеллектуализмом повергает в прах умных оппонентов. Потому что противопоставление двух белокурых бестий в кожанках и сапогах — Вакха и Пенфея (феноменальный Петер Маттеи), двух близнецов-братьев или, точнее, двух половинок андрогинного целого накаляет воз-

ДИОНИС — СИЛЬВИЯ ЛИНДСТРАНД

дух Фив до истинно трагической температуры. Потому что красота внешнего — особенно виртуозная работа художника по свету Ханса-Оке Шёквиста — превращает внутренние лабиринты смыслов в грандиозные, как бы нерукотворные узоры.

Конечно, могут мне возразить: многие с тирсом в руках, но немногие богу причастны, другими словами, Вакх интереснее нам не в оперном, а в застольно-бытовом обличье, и кому нужна вдруг ни с того ни с сего современная шведская опера, когда мы и свою-то знать не хотим.

И все же: месяц крепись, год постись, а Бергманом оскорошся!

Господа с телевидения, в Стокгольме есть не только запись премьеры из зала Королевской оперы, сделанная с профессионализмом экстра-класса, но и специальный телефильм, снятый Бергманом в телестудии. Надеюсь, проблема выбора вас не остановит.

Дайте, дайте нам глоток свежей оперной влаги — пусть и в консервированном виде.